из Петербурга, что через мгновение все оказались в саду. Глаза потянулись к нашим дорогим деревцам, но каково же было наше удивление! Ни одного цветка! Зеленые майские жуки, очень крупные и в великом множестве набросились на дорогую нам сирень и поглотили ее. Прекрасный цвет, которым так недавно мы все восхищались, стал красноватым и совершенно поблекшим; это всех нас удивило и опечалило. *«Знать, сглазили»*,— сказал мой дядюшка, и с грустным сердцем от потери наших красивых цветов мы вернулись к завтраку, а в это время мерзкие майские жуки, сделав свое дело, вдруг снялись в полет и исчезли. За завтраком это странное явление природы, впервые случившееся в Званке, стало предметом всеобщего разговора. Александрина Дьякова[VII] сочла его дурным предзнаменованием, я это встретила почти с юмором, не желая связывать такую черную мысль с простым событием.

Так как мои дядя и тетя чувствовали себя усталыми и захотели немного отдохнуть до обеда, мы поднялись наверх, побыли там некоторое время и спустились только к обеду. Как только стол был убран, погода переменилась, поднялся страшный ветер, который сделал Волхов ужасным, разразилась сильная гроза с частыми вспышками молний. В пять часов пополудни управляющий пришел сказать, что возле Верочкина вяза четыре женщины сражены молнией, что одна из них только что принесена без признаков жизни, две другие без сознания, но еще дышали, а у четвертой рука и нога обожжены и отшибло слух. *«Как нынешний год наш приезд несчастлив»*,— сказала тетя; каждый из нас также подумал, не осмелившись это высказать, как и я не считая возможным говорить в подобной ситуации о том, что думает. Но и это опечалило нас не более чем наши зеленые майские жуки и чем то, что доктор не ручался за жизни других женщин, хотя они еще дышали. Представление об отчаянии этих четырех семей, мысль о смерти, такой близкой от нас и такой далекой сделали наш вечер серьезным, но — буря успокоилась, появилось солнце, высушило ступеньки, и мой дядя, как и мы, усевшись на них, наслаждался прекрасным видом Званки, который дарил такое спокойствие. *«Как здесь хорошо!* — часто повторял он, глядя на проходившие по реке парусные суда.— *Не налюбуюсь я на твою Званку, Дарья Алексеевна, прекрасно, прекрасно»*,— и, повторяя это несколько раз, он принимался напевать любимый им марш Безбородки.

Наш образ жизни вошел в свой обычный ритм; эта жизнь такая сладкая, когда каждый день похож на тот, что был накануне, и так все дни. Дядя заставлял меня читать вслух час поутру и час же или два после обеда; это были то газеты, то история Ролленя в переводе Тредиаковского[VIII], ужасный стиль которого заставлял его часто